

Предатели Родины или Русская Церковь под германским правлением во время Второй мировой войны

«Религия является злейшим врагом советского патриотизма... История не подтверждает заслуг церкви в деле развития подлинного патриотизма».

Журнал «Безбожник» июнь 1941г.

К началу II мировой войны в 25 областях РСФСР не было ни одного действующего православного храма, а в 20 областях функционировало не более чем по 5 церквей. На Украине ни одной действующей церкви не было в Винницкой, Донецкой, Кировоградской, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях; по одной действовало в Луганской, Полтавской и Харьковской.26 Согласно данным НКВД, к 1941 году в стране действовало 3021 православный храм из них почти 3000 находились на отошедших к СССР в 1939-1940 годах территориях Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии, Северной Буковины, Польши и Финляндии

Численность Союза воинствующих безбожников в 1932 году достигла 5 млн. человек. Планировалось к 1938 году количество его членов довести до 22 млн. человек.28 Тираж антирелигиозных изданий достиг к началу войны 140 млн. экземпляров.

С датой германского нападения на СССР связано немало мифов, получивших особенно широкое распространение в церковной среде. Согласно одному из наиболее известных, дата 22 июня была якобы выбрана Гитлером в соответствии с астрологическими прогнозами. От этой легенды отталкиваются и те, кто не прочь представить события июня 1941-го как поход «языческой Германии» на «православную Русь».. Однако германский Генштаб при выборе дня и времени удара по СССР руководствовался соображениями иного плана...

Обычно ночь с субботы на воскресенье была самой «недисциплинированной» в РККА. В воинских частях устраивались бани, за которыми следовали обильные возлияния; командный состав в воскресную ночь, как правило, отсутствовал находясь со своими семьями; для рядового же состава эта ночь всегда была самой подходящей для «самоволок». Именно этим, вполне земным расчетом (а вовсе не «шепотом звезд») и руководствовалось гитлеровское командование при выборе нескольких дат нападения на СССР. События первого дня войны блестяще показали справедливость такого расчета.

Получив известие о начале войны, блюститель патриаршего престола митр. Сергей (Страгородский) как говорят современные церковные историки выпустил своё «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». Факт его появления 22.6.1941 г. до сих пор оспаривается

В послании говорилось: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.»37 Содержался в послании и скрытый упрек властям, утверждавших, что войны не будет. У митр. Сергея это место выражено так: «...мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охвативший почти весь земной шар, до нас не дойдет....»38 Любопытно, что задолго до соответствующего обращения Кремля митр. Сергей уже назвал «лукавые соображения» о «возможных выгодах» по другую сторону фронта ничем иным как прямой изменой Родине»39 Однако действенность такой риторики неумолимо превращалась в прах по мере стремительного продвижения германских армий на восток...

В истории войн невозможно найти аналог столь изначально лояльного отношения к агрессору, которое демонстрировало население оккупированных немцами областей СССР. И тот факт, что так много россиян заранее было готово перейти к немцам, выглядит для многих невероятным. Но именно так и было. Примеры

изначально враждебного отношения к изгнанию большевиков были скорее исключением, нежели общим правилом. Немецким кинематографистам не было нужды прибегать к искусственным декорациям, для того чтобы запечатлеть на пленку примеры встреч советским населением германских войск хлебом-солью и забрасывания немецких танков цветами. Эти кадры являются ярчайшим свидетельством, столь ненормального восприятия чужеземного вторжения...

Стоит ли удивляться, что с не меньшим воодушевлением восприняла нападение Германии на СССР и русская эмиграция. Для многих русских изгнанников появилась реальная надежда скорого «освобождения» Родины. Причем такие надежды встречались независимо от церковной юрисдикции (а не только в РПЦЗ - как это пыталась представить советская историография). Вторжение Германии в СССР приветствовал парижский иерарх РПЦЗ митр. Серафим (Лукиянов), впоследствии перешедший в Московскую Патриархию. В своем обращении по случаю германского нападения, он заявил: «Да благословит Всевышний великого Вождя Германского народа, поднявшего меч на врагов самого Бога... Да исчезнут с лица земли масонская звезда, серп и молот».⁴⁵ С неменьшей радостью воспринял 22 июня 1941 года и принадлежавший тогда к «евлогийанской» юрисдикции архимандрит Иоанн (Шаховской, будущий архиеп. Сан-Францисский): «Кровавая операция свержения Третьего Интернационала поручается искусному, опытному в науке своей германскому хирургу».⁴⁶ И даже клирик Московской Патриархии о. Георгий Бенигсен вспоминает о начале войны в Риге: «На всех лицах затаенная радость...».⁴⁷

. В. Цыпин: «Во всех городах и во многих селах, оставленных советской администрацией, объявлялись священники, либо находившиеся там на положении ссыльных, либо скрывавшиеся в подполье, либо зарабатывавшие на жизнь каким-нибудь ремеслом или службой. Эти священники получали у оккупационных комендантов разрешение на совершение богослужений в закрытых,».⁴¹ Другой очевидец (псаломщик Николо-Конецкого прихода Гдовского района Псковской области С. Д. Плескач) отмечал следующее: «Русский человек совершенно изменился, как только появились немцы. Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставляли оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Всюду красилось... Когда все было готово, тогда приглашали священника и освящался храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать».⁴² Такие чувства были характерны для населения самых различных районов оккупированной территории. Журналист В. Д. Самарин так описывает немецкую оккупацию в Орле: «Проснулось, всплыло на поверхность души спрятанное глубоко при большевиках религиозное чувство. Молящиеся переполнили церкви, по деревням носили чудотворные образа. Молились так, как давно не молились.»

Адольф Гитлер и православная эмиграция

«...если правительство германского Рейха пожелает привлечь русские православные церкви к сотрудничеству в борьбе с коммунистическим безбожным движением..., то правительство Рейха найдет с нашей стороны полное согласие и поддержку».

митр. Евлогий (Георгиевский), октябрь 1937 г.

Примечательно, что первые контакты русской эмиграции с Гитлером относятся к началу 20-х годов.⁴ Посредником в этих контактах был Альфред Розенберг. Родившийся в Российской империи, учившийся в Киевском университете и служивший в русской армии во время I мировой войны, Розенберг по-русски говорил лучше, чем по-немецки. В окружении Гитлера он сыскал славу лучшего специалиста по России и «русской душе», и именно ему была доверена разработка расовой теории в нацистской идеологии. Возможно, что именно он убедил Гитлера в целесообразности дружеских отношений с Русской Православной Церковью на территории Германии. Так, в 1938 году нацисты построили в Берлине православный кафедральный собор Воскресения Христова на Курфюрстендамм и финансировали из имперской казны капитальный ремонт 19 православных храмов.

Кроме того, по указу Гитлера от 25.2.1938, русские приходы подчинявшиеся митрополиту Евлогию (Георгиевскому), были переданы под юрисдикцию Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей (далее - РПЦз).⁵ Цитируемый здесь проф. Поспеловский склонен несколько драматизировать это событие, выставляя его одним из краеугольных камней церковно-эмигрантского раскола. Необходимо все же учитывать, что конфронтация между карловацким Синодом и митр. Евлогием началась задолго до прихода

Гитлера к власти и носила все-таки церковно-административный, а не богословский и не политический характер. Справедливым будет так же отметить, что только 6% русских эмигрантских приходов находились под юрисдикцией митр. Евлогия, а остальные 94% подчинялись Зарубежному Синоду.⁶ Даже исходя только из элементарной арифметической логики, вряд ли будет справедливым говорить о «раскольничьих устремлениях карловчан».

Вероятно, подобной же логикой руководствовался и Гитлер, пожелавший «централизовать» православные приходы на территории Рейха, а потому подчинивший евлогианское «меньшинство» синодальному «большинству» (было бы странно, если бы он сделал наоборот. В истории с евлогианскими приходами Гитлер был движим идеей централизовать, все для облегчения контроля над религиозными организациями.⁷ Для достижения этой цели он создал Рейхсминистерство религиозных культов, предоставил Германской епархии РПЦ государственный статус «корпорации публичного права» (каковой имели только лютеране и католики) и передал под юрисдикцию Германской епархии 13 евлогианских приходов.

Что касается строительства нацистами православного собора и капитального ремонта 19 храмов, то с этим благодеянием связано и благодарственное письмо Гитлеру за подписью тогдашнего первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского).

Гитлер выступил как «строитель и попечитель» храмов, и выражение благодарности предстоятелем Церкви за такое благодеяние - явление вполне нормальное и естественное, для предателей. Нельзя не учитывать и того факта, что в предвоенном 1938-м Гитлер олицетворялся с человеком, честно победившим на выборах и возглавившим правительство, признанное всеми странами мира.

Как уже отмечалось выше, Гитлер воспринимался русской эмиграцией как противовес безбожному большевизму. Еще в 1921 году Высший монархический совет вел переговоры с Гитлером о возможной помощи в случае его прихода к власти в подготовке духовенства для освобожденной от большевиков России.⁹ В отличие от лидеров западных демократий, Гитлер не позволял себе выражения «русский коммунизм», предпочитая этому другой термин - «иудо-большевизм». Такая терминология русскую эмиграцию вполне устраивала и не резала ухо. Русофобские места в «Mein Kampf» были мало кому известны, и неудивительно, что даже самые отъявленные русофилы вроде И. А. Ильина призывали русскую эмиграцию «не смотреть на национал-социализм еврейскими глазами».

Вполне справедливо будет предположить, что проправославные жесты Гитлера носили дипломатическо-пропагандистский характер. Такими жестами можно было снискать себе симпатии в странах потенциальных союзников, в странах с преимущественно православным вероисповеданием (Румыния, Болгария, Греция). 1 сентября 1939 года германский Вермахт взломал польскую границу. II мировая война началась...

Несмотря на то, что Гитлер выступил как откровенный агрессор, его нападение на Польшу серьезно не отразилось на восприятии его русской эмиграцией. Это обстоятельство позволило нацистам после оккупации Польши сделать еще один проправославный жест. Началось повальное возвращение православным, отобранных у них приходов. Как писал журнал «Церковная жизнь», «...православное население встречает доброжелательное отношение со стороны немецких властей, которые по первой просьбе населения возвращают ему отобранное поляками церковное имущество».¹³ Помимо этого, при поддержке германских властей в Вроцлаве был открыт православный богословский институт.

Церковная политика нацистов в оккупированных областях СССР

«Православие – красочный этнографический ритуал»

(рейхсминистр Розенберг).

Занятые немцами районы (едва ли не половина европейской части СССР) подверглись территориальному делению на рейхскомиссариаты, состоявшие из округов, областей, районов, уездов и волостей. Прифронтовая территория находилась под управлением Вермахта. Северная Буковина, Молдавия, Бессарабия и Одесская область были переданы Румынии. Галицию присоединили к Польскому генерал-губернаторству. Остальная территория составила рейхскомиссариат «Украина» (с центром в Ровно). Центральная часть Белоруссии образовала генеральный комиссариат Белоруссии. Северо-запад Брестской и Гродненской области отошли к Восточной Пруссии (здесь действовали общегерманские законы). Большая часть Брестской, а также Пинская и Полесская области отошли к рейхскомиссариату «Украина», а северо-запад Виленской области - к генеральному округу Литвы. Сам же генеральный округ Белоруссии входил в состав рейхскомиссариата «Остланд».⁵¹

Национальный вопрос, по мнению нацистского идеолога Розенберга, заключался в том, «чтобы разумно и целеустремленно поддержать стремление к свободе всех этих народов... выделить из огромной территории Советского Союза государственные образования (республики) и организовать их против Москвы, чтобы освободить Германский Рейх на грядущие столетия от восточного кошмара».52

Что касается религиозной политики немцев на оккупированных землях, то она вряд ли может быть охарактеризована однозначно. Здесь господствовало несколько взаимоисключающих подходов, однако наиболее распространенными были два...

Позицию рейхсминистра Восточных земель Альфреда Розенберга можно сформулировать примерно так: «Уклад жизни русского народа веками формировался под влиянием Православия. Большевицкая клика лишила русский народ этого стержня и превратила его в ни во что неверующее, неуправляемое стадо. Столетиями русским вдалбливали с амвонов, что «всякая власть от Бога». Царская власть, не сумев обеспечить своим подданным достойный уровень жизни, смогла с помощью Церкви сформировать в народе сознание, что лишения, страдания и притеснения идут на пользу душе. Подобная проповедь обеспечивала правителям раболепскую покорность народа. Этот момент совершенно не учли большевики, и с нашей стороны было бы глупо повторять их ошибку. Поэтому, в наших же интересах реанимировать эти православные постулаты в умах народа, если мы хотим держать его в узде. Гораздо лучше, если в Восточных землях будут созданы автономные и неподотчетные друг другу церковные структуры, дабы исключить возможность возникновения единой мощной церковной организации».

Такова была позиция Розенберга, которая определяла отношение нацистов к РПЦ и которой руководствовались в той или иной степени нацистские чиновники. Основные ее положения были изложены в письме Розенберга к рейхскомиссарам Остланда и Украины от 13.5.1942 г. Их можно сформулировать так: Религиозные группы не должны заниматься политикой. Они должны быть разделены по признакам национальным и территориальным. Национальный признак должен особенно строго соблюдаться при подборе возглавления религиозных групп. Территориально же религиозные объединения не должны выходить за границы одной епархии. Религиозные общества не должны мешать деятельности оккупационных властей.53

Церковную политику Вермахта можно охарактеризовать как отсутствие какой-либо политики по отношению к Церкви. Собственный кодекс поведения, верность старым традициям способствовали распространению в среде немецких военных устойчивой антипатии к проявлениям нацистского фанатизма и расовой шизофрении. Только этим и можно объяснить тот факт, что фронтовые генералы и офицеры закрывали глаза на директивы и инструкции из Берлина, если те строились на теории об «унтерменшах». Сохранилось немало свидетельств и документов не только о радушном приеме российским населением немецкой армии, но и о «ненацистском» отношении германских солдат к населению занятых ими областей СССР. В частности, сохранились документы о приказах немецким солдатам помнить, что они находятся не на оккупированных территориях, а на земле союзника.54 Довольно часто солдаты и офицеры Вермахта демонстрировали искреннее дружелюбие и симпатии к народу, страдавшему в течение двух десятилетий под властью большевиков. В церковном вопросе такое отношение выливалось во всестороннюю поддержку восстановления церковной жизни.

Военные не только охотно поддерживали инициативы местного населения по открытию приходов, но и оказывали различную помощь в виде денежных средств и стройматериалов для восстановления разрушенных храмов. Сохранилось немало свидетельств и того, что немецкие военные сами проявляли инициативу по открытию церквей на подконтрольных им территориях и даже приказывали это делать.55 Так, например, в сохранившейся в материалах Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) докладной записке З. В. Сыромятниковой «О пребывании на территории Харьковской области, оккупированной немецкими войсками с 15 по 22 декабря 1941 г.» отмечалось: «Немецкое командование особое внимание обращает на работу церквей. В ряде сел, где не разрушены церкви, они уже работают... В селах, где они разрушены, дан приказ старостам немедленно подобрать помещение и открыть церкви».56

Иногда инициативность немцев принимала анекдотические формы. В том же фонде хранится и справка уполномоченного Себежской комендатуры от 8.10.1941 г.: «Дана настоящая в том, что немецкая власть, освободившая крестьянство от большевиков, ставит вопрос открыть богослужение в Ливской церкви, и поэтому уполномочиваю лично вас, Рыбакова Якова Матвеевича, за неимением священника - занять место священника и исполнять церковный обряд. Просьба: никаких отказов не может быть, в чем и выдана настоящая справка за подписью представителя немецкой власти Энгельгард»... На что Рыбаков отвечает: «Быть священником не могу, так как не получил на то от епископа благословения, кроме того, по христианскому закону двоеженцы священниками быть не могут, а я двоеженец»...57

Следует отметить, что помощь немецкой армии в восстановлении русских православных храмов всегда

строилась на принципах «христианского гуманизма». Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Федор фон Бок сам с немецкими офицерами принимал участие в православной службе в Борисове.

Вышеприведенные характеристики и примеры довольно ярко отражают всю пестроту церковной жизни на занятых немцами территориях СССР, ибо становится вполне очевидным, что размах и характер «религиозного возрождения» во многом зависел от местных особенностей оккупационной администрации (НСДАП и СС или же Вермахт). Поэтому и положение РПЦ на занятых немцами территориях целесообразно рассматривать не по периодам войны, а по регионам и областям.

Положение Церкви в Прибалтике

«Не таких обманывали.

С НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть нетрудно».

Митр. Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский).

На момент прихода в страны Балтии немецкой армии экзархом Прибалтики был митр. Сергей (Воскресенский). Пост этот он занимал с января 1941 года. Перед бегством большевиков из Риги митр. Сергию было приказано эвакуироваться. Вопреки приказу, он укрылся в крипте рижского кафедрального собора.

Сергий в миру Димитрий Воскресенский, родился в Москве в 1898 г. в семье московского священника и до революции учился в семинарии, которую не успел закончить. В начале революции был послушником в Даниловом монастыре. Там же, принял монашество с именем Сергей. Исследователи, беседовавшие с людьми, знавшими лично отмечают, что в 1920-е годы это был религиозный, монах, тем не менее, любивший жизнь и светские удовольствия, любил выпить и провести время среди молодежи, за что на него неоднократно накладывались епитимии. С 1926 г. он стал сотрудником канцелярии Московской Патриархии. Вероятно, в 30-е годы епископ Сергей тесно сотрудничал с митр. Сергием (Страгородским), что и повлияло на дальнейшую карьеру молодого епископа.⁶³

С приходом в Прибалтику немцев (Вермахт вошел в Ригу 30 июня) митр. Сергей постарался найти общий язык с новой властью. При его дипломатичности успех ему был заранее обеспечен. Он умел преподать себя в нужном свете. Вскоре он хорошо зарекомендовал себя как яростный антикоммунист. С помощью роскошных банкетов и щедрых подарков митр. Сергей обзавелся нужными знакомствами с партийными функционерами и высшими чинами СС. Комфортабельный дом митрополита и личный автопарк производили впечатление на немцев.

В отличие от других советских территорий, оказавшихся под немецкой оккупацией, в Прибалтике произошло расширение территории РПЦ и укрепление власти ее экзарха, несмотря на то, что в Эстонии и Латвии открыто проявились тенденции к автокефалии. Сразу же после ухода Советов из Прибалтики митрополиты Латвийский и Эстонский постарались восстановить утраченную независимость от Москвы. 20.7.1941 г. митр. Рижский Августин (Петерсон) сделал запрос германским властям с просьбой о восстановлении Латвийской Православной Церкви под юрисдикцией Константинополя. Аналогичную просьбу, но уже от имени Эстонской Православной Церкви, сделал митр. Таллинский Александр (Паулус). Казалось, что церковный раскол был неминуем. Но 12.9.1941 г. митр. Сергей (Воскресенский) обратился к германским властям с докладной запиской, в которой объяснял всю нежелательность для Берлина допускать, чтобы Церковь в Латвии и Эстонии подчинялась Константинопольскому патриарху, чей западноевропейский экзарх проживал в Лондоне и имел тесные связи с британским правительством. Владыка Сергей сумел доказать немцам преимущества канонического подчинения Прибалтики. Иными словами, он предложил оставить Прибалтику в подчинении РПЦ, а его, ее экзархом.

По сути, Сергей добился от Берлина разрешения. В результате раскол в Прибалтике не состоялся, а некоторым «автокефалистам», не без участия Сергея, пришлось даже иметь дело с гестапо. Немцам надоело терпеть амбициозные заявления сторонников автокефалии, требовавших выдворения из Латвии «большевицкого ставленника», агента ЧК экзарха митр. Сергия.⁶⁴ В Латвии раскол закончился в ноябре 1941 г., когда гестапо потребовало от митр. Августина немедленного прекращения деятельности его Синода.⁶⁵

Что же касается его отношений с Москвой, то немцы поначалу выступали за их разрыв. Однако митр. Сергей сумел убедить Берлин, что РПЦ никогда не примирялась с советской властью, подчинившись ей только внешне. Доказывал немцам экзарх и то, что их вмешательство в управление Церковью (как, например, разрыв канонических связей с Москвой) может быть использовано Советами для антигерманской пропаганды.

Все эти переговоры привели к тому, что, когда в 1942 году митр. Эстонский Александр порвал с Сергием, в то время как другой эстонский епископ (Павел Нарвский) остался ему верен, немцы постановили, что митрополиты Александр и Августин должны именоваться соответственно митрополитами Ревельским и Рижским, а не Эстонским и Латвийским, т.к. митрополитом всех трех прибалтийских государств является Сергей (Воскресенский).⁶⁶ В инструкциях, разосланных фашистскими чиновникам, указывалось, что, хотя приходы в Эстонии могут входить как в Эстонскую епархию митр. Александра, так и в русскую епархию еп. Павла, германское командование предпочитает, чтобы как можно больше приходов вошло в русскую епархию. Следует отметить, что большинство приходов в Прибалтике осталось в подчинении митр. Сергию. Отчасти это объясняется тем, что паства не хотела рвать отношений с Русской Церковью, а отчасти тем, что все видели, на чьей стороне немцы.

Окончательно немецкая политика по отношению к РПЦ в Прибалтике была сформулирована на совещании в Рейхсминистерстве Восточных земель 20.6.1942 г. Суть итога совещания сводилась примерно к следующему:

1. Оккупационные власти считают для себя выгодным объединение всех православных вокруг московского экзарха с целью выселения их после войны в Рейхскомиссариат «Москва».
2. Для германского руководства не столь важно, кому номинально подчиняется экзарх в Прибалтике - Москве или Константинополю, тем более, что пребывание экзарха Константинопольского Патриарха в Лондоне действительно не может быть приятным.
3. Такая политика дает возможность оккупационным властям подчеркивать свою веротерпимость и использовать полностью антикоммунистические выступления экзарха Сергия в пропагандных целях.⁶⁷

Можно лишь догадываться о том давлении, которое испытал на себе в Москве митр. Сергей (Страгородский) со стороны советских властей, требующих от него осуждения своего прибалтийского экзарха. В конце концов, большевики своего добились, и 22.9.1942 г. митр. Сергей (Страгородский) обратился с посланием, в котором говорилось: «...Народ ради блага родины не считает своих жертв и кровь проливает и самую жизнь отдает... А вот в Риге в начале августа объявились православные наши архиереи... во главе с присланным из Москвы Сергием Воскресенским, которые «не пожелали страдать с народом Божиим», а предпочли «имети временную греха сладость» (Евр. 11,25), пожить благополучно, питаясь от крупы с фашистского стола... Волосы встают дыбом при чтении об истязании фашистами женщин, детей и раненых. А митрополит Сергей Воскресенский со своими «сподвижниками»-архиереями телеграфируют Гитлеру, что они «восхищаются ведущейся (Гитлером) героической борьбой» (с беззащитными?!) и «молят Всевышнего, да благословит Он (фашистское) оружие скорой и полной победой...».⁶⁸ Это послание и не вызвало у экзарха Прибалтики обиды, а когда архиерейский Собор 1943 года отлучил от Церкви всех клириков, проявивших себя коллаборационистами и среди них был назван и митр. Сергей (Воскресенский), последний напечатал в прибалтийских газетах статью под названием «Сталин не Савл, он не станет Павлом», в которой высмеял иллюзорность надежд на мир коммунистов с Церковью,⁶⁹ но с Москвой все-таки не порвал. Примечательно, что этого разрыва требовали от него и немцы, когда митр. Сергей (Страгородский) стал Патриархом, но владыка Сергей убедил их в нелогичности такого требования, объяснив, что большевики смогут использовать возникший церковный раскол в антигерманской пропаганде - играя на вмешательстве оккупационных властей во внутрицерковные дела.

По сути, единственное, чего не удалось митр. Сергию добиться от Берлина, это - разрешение на каноническое подчинение себе Белоруссии. У Розенберга на это счет были свои соображения.

Но несмотря на «неудачу» митр. Сергия с Белоруссией, не будет ошибкой назвать его самым активным иерархом Русской Церкви сотрудничавшим с нацистами на оккупированной территории СССР. «Помимо отстройки церковной организации и отстаивания интересов Церкви на территории своего экзархата, митр. Сергей приложил немало усилий для духовного окормления православной паствы в захваченных гитлеровцами северо-западных районах СССР. Чего стоит только одна Псковская Миссия (о чем будет рассказано в соответствующей главе). Вся эта деятельность не могла вызвать одобрения у советской власти

Люди, смеющие это делать, совершенно справедливо заносились ею в разряд врагов народа и пособников гитлеровцев. Карающим мечом советского правосудия, по замыслу Сталина, должны были здесь служить партизанские отряды, действующие на оккупированной территории. Именно к ним был обращен призыв советского вождя «создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу...».⁷⁰ Митр. Сергей (Воскресенский) был одним из этих пособников. Согласно воспоминаниям людей, близко его знавших, он всерьез опасался за свою безопасность...

28.4.1944 года по дороге из Вильнюса в Каунас экзарх Сергей и сопровождавшие его лица были

ликвидированы неизвестными. По показаниям местных жителей, нападавшие были одеты в немецкую военную форму. Немцы заявили, что убийство митрополита было организовано советскими партизанами. Советская пропаганда приписала это убийство нацистам.

Рижский священник о. Николай Трубецкой, отсидевший 10 лет за участие в Псковской Миссии, утверждает, что встретил в лагере человека, якобы бывшего советского партизана, который сообщил ему, что он участвовал в убийстве митрополита, совершенном по приказу советской разведки.⁷¹

О сомнительности версии об убийстве митр. Сергия немцами говорит и тот факт, что никто из современных церковных историков не смог связно аргументировать логику, по которой немцам было бы выгодно избавиться от митр. Сергия.

Положение Церкви в Белоруссии

Белоруссия была регионом, одним из первых оказавшимся под оккупацией, вследствие стремительного продвижения Вермахта на Восток, и в то же время она была для немцев наглядным примером результатов советского правления. Как писал историк Белорусской Церкви еп. Афанасий (Мартос), «немецкие войска застали церковно-религиозную жизнь в Восточной Белоруссии в разрушенном состоянии. Епископов и священников не было, церкви были закрыты, переделаны в склады, театры, а многие разрушены. Монастырей не существовало, монахи разбрелись.»

Белоруссия вместе с Прибалтикой входила в один рейхскомиссариат (Остланд), В силу того, что экзарх западных областей Украины и Белоруссии митр. Николай (Ярушевич) не предал родину и предпочел остаться на советской территории, Белоруссия и Украина оказались без правящего архиерея.

Буквально с самого начала оккупации в церковной жизни Белоруссии проявилось противостояние между сторонниками подчинения Москве и теми, кто предпочитал автокефалию. Поощряя белорусский национализм, фашисты стремились создать национальную автокефальную Церковь, опираясь здесь на белорусских националистов, приехавших сюда из Чехии и Польши.

Сущность нацистской религиозной политики в Белоруссии сводилась к семи пунктам:

1. Организовать православную Церковь самостоятельно, без всяких сношений с Москвой, или Варшавой, или Берлином.
2. Церковь должна носить название «Белорусская автокефальная православная национальная Церковь».
3. Церковь управляется своими св. канонами, и немецкая власть не вмешивается в ее внутреннюю жизнь.
4. Проповедь, преподавание Закона Божия, Церковное управление должны производиться на белорусском языке.
5. Назначение епископов должно производиться с ведома немецкой власти.
6. Должен быть представлен немецкой власти статут «Белорусской Православной автокефальной национальной Церкви».
7. Богослужения должны совершаться на церковнославянском языке.⁷⁴

в марте 1942 г. собор белорусских епископов избрал архиепископа Пантелеймона (Рожновского), К моменту проведения собора Белорусская Церковь включала в себя уже 6 епархий:

1. Минская - во главе с митр. Пантелеймоном (Рожновским).
2. Гродненско-Белостокская (находившаяся за пределами рейхскомиссариата «Остланд» и поэтому получившая статус экзархата) - во главе с архиеп. Венедиктом (Бобковским), получившим права экзарха Восточной Пруссии.
3. Могилевская - с еп. Филофеем (Нарко).
4. Витебская - с еп. Афанасием (Мартосом).
5. Смоленско-Брянская - с еп. Стефаном (Севбо).

Отказ от провозглашения автокефалии Белорусской Церкви не мог понравиться белорусским националистам. Именно поэтому они приложили все усилия для отстранения митр. Пантелеймона от управления Церковью - усилия, в конечном итоге увенчавшиеся успехом. По настоянию националистов, фашисты передали управление Церковью его ближайшему помощнику, архиеп. Филофею (Нарко). Филофей писал и в своем письме рейхскомиссару «Остланда» Х. Лозе от 30.7.1942 г.: «Это очень важное и ответственное положение, требующее точности и правильности церковного канона священной всеобщей Православной Церкви...» 77

В конечном итоге, 30.8.1942 г. в Минске состоялся т.н. «Всебелорусский Православный Церковный Собор». Инициаторами его созыва выступили сторонники автокефалии. Результатом четырех дней работы собора стала выработка статута Белорусской Церкви и утверждение мероприятий по достижению автокефалии. Гитлеру была послана телеграмма: «Первый Всебелорусский Церковный Собор в Минске от имени православных белоруссов шлет Вам, господин рейхсканцлер, сердечную благодарность за освобождение Белоруссии от московско-большевицкого безбожного ига, за предоставленную возможность свободно организовать нашу религиозную жизнь в форме Святой Белорусской Православной автокефальной церкви и желает быстрой полной победы Вашему непобедимому оружию». 79 Послания главам других Церквей были переданы нацистам лишь спустя год.

В мае 1944 г. собор белорусских епископов издал резолюцию, называющую большевизм «сатанинским отродьем» и «сыном дьявола»⁸¹,

Когда белорусские архиереи (во главе с митр. Пантелеймоном) бежали в Германию, все они примкнули к РПЦЗ, что лишний раз подтверждает их «прорусскую позицию».

Хотя Розенберг и требовал от гауляйтера Лозе, чтобы Русская Церковь соблюдая умеренность не распространяла своего влияния на православных белоруссов, последнему выполнить такую директиву было не так-то просто. В своих рапортах, СД была вынуждена констатировать отсутствие священников-автокефалистов.⁸² Кроме того, в западных областях Белоруссии, где были сильны позиции католичества, немцы были склонны поддерживать православных, видя в католическом населении польскую «пятую колонну».

Одной из отличительных черт немецкой оккупации в Белоруссии была особая распространенность бесчеловечного обращения оккупантов с гражданским населением. Массовые облавы, аресты, карательные рейды СС не могли вызвать у местных жителей нежных чувств по отношению к творцам «нового порядка».

Вероятно, этим и объясняется факт сотрудничества около десятка белорусских священнослужителей с советским подпольем и НКВД. Иногда подобным священнослужителям приходилось за это расплачиваться не только собственной жизнью, но и жизнью своих прихожан. Так, например, священник с. Хоростово Минской епархии о. Иоанн Лойко за активную партизанскую работу был сожжен СС в собственном храме вместе с 300 прихожанами. Чудом избежал подобной участи и священник Кузьма Раина, чья деятельность в качестве партизанского осведомителя была разоблачена гестапо. Подобное поведение духовенства (как, впрочем, поведение немцев) разительно отличало Белоруссию от других оккупированных немцами регионов СССР.

В самой же Белоруссии немецкая оккупация вызвала повсеместно «религиозный подъем». В одном лишь Минске, где к приходу немцев не было ни одной действующей церкви, спустя всего 3-4 месяца их открылось уже 7 и было крещено 22 тыс. детей. По Минской епархии было открыто 120 церквей. Оккупационные нацистские власти открыли пастырские курсы, каждые несколько месяцев выпускавшие 20-30 священников, дьяконов и псаломщиков.⁸³ Аналогичные пастырские курсы были открыты и в Витебске. В ноябре 1942 г. в витебскую Свято-Покровскую церковь были перенесены мощи св. Евфросинии Полоцкой. В мае 1944 года мощи преподобной были перевезены в Полоцк, где действовали 4 храма и монастырь.⁸⁴ В некоторых районах Белоруссии, например, в Борисовском, было восстановлено до 75% дореволюционных церквей (в самом Борисове 21 храм). Процесс «возрождения церковной жизни» продолжался вплоть до самого отступления немцев из Белоруссии. Так, в донесении командования группы армий «Центр» за январь-февраль 1944 г. говорилось, что в районе расположения 4-й армии вновь открыто 4 храма, а в Бобруйске впервые за время войны на Крещение состоялся крестный ход на р. Березину с участием 5000 человек.

Церковь на оккупированной Украине

В отличие от Белоруссии, церковная жизнь на Украине в период немецко-фашистской оккупации была весьма насыщена катаклизмами и междоусобной борьбой. В регионе, который и в лучшие времена не славился

единоверием и религиозной терпимостью, начавшаяся война обнажила все межнациональные и межконфессиональные противоречия, накопившиеся за несколько столетий.

Гитлеровское нападение на СССР жители Украины, в массе своей, приветствовали с не меньшим энтузиазмом, чем жители Прибалтики, немцев многие воспринимали как освободителей. О периоде перед приходом немцев одна киевлянка вспоминает так: «Что касается передач советского радио о зверствах немцев, то эти передачи расценивались как пропаганда и не принимались всерьез. Трагично было то, что некоторые наши друзья, евреи по национальности, также не верили известиям о преследованиях и убийствах евреев и отказывались эвакуироваться на восток. Для оппонентов советской власти мысль о том, что немцы - культуртрегеры, была более убедительна.»⁸⁶

Однако если в восточных областях Украины приход немцев воспринимался просто как избавление от сталинизма, то в Западной Украине с крушением режима Советов связывались далеко идущие перспективы. В Галиции и ряде других областей Западной Украины националистические круги были склонны видеть в немецко-фашистской оккупации не только избавление от большевизма, но и возможность обрести полную независимость от Москвы. Составленный С. Бендерой «Акт провозглашения Украинского Государства» заявлял, что «обновленное Украинское Государство будет тесно сотрудничать с Национал-Социалистической Великой Германией, которая под руководством вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает Украинскому Народу освободиться из-под русской оккупации».⁸⁷

Самостийники полагали, что возникновение дружественной по отношению к Рейху Украины будет достаточной наградой Гитлеру. Со своей стороны, немцы охотно поддерживали украинский национализм, поощряя различные амбициозные начинания выходцев из Галиции. Эта политика более чем красноречиво сказалась на жизни Православной Церкви на Украине...

Помимо национал-шовинистского фактора, сложность религиозной ситуации на Украине заключалась еще и в том, что в Галиции существовала довольно сильная греко-католическая (униатская) Церковь. Именно к ней принадлежало большинство наиболее активных деятелей националистического движения. Их антирусские взгляды вызвали симпатию у оккупационного режима, для которого лозунг «разделяй и властвуй» составлял стержень в концепции борьбы за жизненное пространство на Востоке. Желая свести к минимуму русское влияние на Украине, нацисты поддерживали украинский сепаратизм, однако при этом энергично пресекали любые попытки католической миссионерской деятельности к востоку от Галиции, ибо на Украине, также как и в Белоруссии, немцы склонны были видеть в католиках проводников польского влияния.

Еще одной особенностью религиозной жизни на Украине было то, что в ее западных областях существовала Польская Православная Церковь, иерархи которой были склонны воспользоваться Восточным походом фашистов для увеличения своей «канонической территории». Однако, когда глава Польской Церкви митр. Дионисий (Валединский) после занятия немецкой армией всей Украины заявил свои права и на ее восточные земли,

подавлялись также фашистами и попытки возродить обновленчество, в активистах которого они видели советскую агентуру. Так, в сводке СД от 18.10.1941 г. указывалось, что в г. Бердичеве были запрещены богослужения «живоцерковников».⁸⁸

Все эти противоречия, конфронтации и нестроения в полной мере использовал рейхскомиссар Украины Э. Кох, один из самых аморальных представителей элиты Рейха, отличавшийся крайней жестокостью даже на фоне других нацистских функционеров.⁸⁹ Будучи довольно проницательным человеком, он умел мастерски манипулировать людьми и играть на их самых низменных чувствах.

На фоне всего вышеизложенного особенно отрадно выглядит тот факт, что большинство православного духовенства «сохранило верность своей Церкви» и пошло на поводу страстей и призывов различных национал-радикалов. 18.8.1941 г. больше половины православного епископата, оказавшегося на занятой немцами территории Украины, собралось на Собор в Почаевской Лавре. На этом соборе и было провозглашено создание автономной Украинской Церкви. Ее главой был избран архиеп. Алексей (Громадский), возведенный на этом же Соборе в сан митрополита. 25.11.1941 г.

Митрополиту Варшавскому Дионисию, отказавшемуся признать автономную Украинскую Церковь и не бывшему в силах распространить свое влияние на восток, ничего не оставалось, как способствовать появлению на Украине независимой от Москвы автокефальной Украинской Церкви.

В самой сущности автокефальной Украинской Церкви хорошо отразились антирусские и откровенно

сепаратистские настроения и амбиции украинских национал-радикалов. Помимо разрыва канонического общения с Москвой и отказа от молитвенного поминания митр. Сергия (Страгородского), борцы за национальное возрождение» упразднили даже церковнославянский язык богослужения, заменив его украинским. В то же время националистическая пресса подвергала травле священнослужителей, отказавшихся признать права архиеп. Поликарпа (с мая 1942 г. - уже митрополита) на возглавление Украинской Церкви.⁹²

Выполняя рекомендации Розенберга стимулировать рост антирусских настроений и препятствовать распространению русского национализма, рейхскомиссар Кох изначально сочувствовал автокефальной Церкви. Уже в сводке СД от 9.9.1941 г., с явным беспокойством отмечалось, что в Галиции группа С. Бендеры проводит пропаганду независимой Украины, используя в своих целях религиозные праздники.⁹³ В другой сводке, от 8.12.1941 г. отмечалось, что часть украинских сепаратистов арестована, политика их принимает все более антинемецкий характер, руководящие круги ОУН не верят в победу Германии и создают собственные партизанские отряды.⁹⁴

Собственно, ряды украинских националистов не были примером сплоченности. Возникшие на Украине повстанческие движения мельниковцев и бендеровцев не прочь были разрешать свои разногласия с помощью оружия. И тем, и другим - Православная Церковь нужна была в качестве пропагандистского символа.

Что же касается советских партизан, то, действуя по директивам Москвы, они представляли серьезную опасность для духовенства, «рискнувшего возродить религиозную жизнь» на местах оккупированных нацистами.

Действовавшие на территории Украины польские партизаны Армии Крайовой, боровшиеся за восстановление Польского государства в границах до 1939 года, участвовали в стычках и с немцами, и с бендерами, и с мельниковцами, и с красными партизанами. По понятным причинам, в православном населении, поляки видели не союзника, а продукт русского имперского шовинизма.

Что касается немцев, то они первоначально симпатизировали идее объединения автономной и автокефальной Церквей. Однако, когда они увидели, что украинский национализм принимает все более антинемецкую направленность, к возможности установления церковного единства оккупанты стали относиться более прохладно. И если раньше, исходя из принципа «разделяй и властвуй», Кох явно поддерживал автокефалистов, то к 1943 году, при виде растущего партизанского движения украинских националистов (ОУН), гауляйтер предпочел не вмешиваться во внутрицерковную конфронтацию.

Собственно, попытки к объединению предпринимали и сами иерархи. Так, в октябре 1942 г. в Почаевской Лавре состоялась встреча главы автономной Церкви митр. Алексия (Громадского) с двумя архиепископами автокефальной Церкви - Никанором (Абрамовичем) и Мстиславом (Скрыпником). В результате было достигнуто соглашение об объединении двух Церквей. Стороны согласились на том, что объединенная Церковь будет возглавляться Варшавским митр. Дионисием (Валединским), который будет выполнять функции Киевского местоблюстителя до той поры, пока не будет созван Всеукраинский Собор. Соглашением предусматривалось, что будет создан Священный Синод, который будет состоять из трех автокефальных и двух автономных архиереев. Секретарем Синода должен будет стать известный автокефалист еп. Мстислав (Скрыпник) - племянник Петлюры.

23 октября митр. Алексия на приеме в рейхскомиссариате было заявлено, что оккупационная власть считает недопустимым какое-либо участие митр. Варшавского Дионисия в жизни православной Церкви на Украине, и что он никоим образом не может исполнять функции митр. Киевского и его компетенция ограничивается православными приходами в Польском генерал-губернаторстве. Помимо этого, митр. Алексия было заявлено, что немецкие власти не допустят участия в деятельности Синода личностей, в прошлом занимавшихся политической деятельностью.. Негативное отношение немцев к идее слияния украинских Церквей вполне удовлетворила митр. Алексия, и он отказался от дальнейших попыток их воссоединения.⁹⁹

В отличие от автокефальной, священноначалие автономной Церкви демонстрировало полную аполитичность и абсолютную лояльность к немецким властям, и уж тем более - не поддерживало никаких связей с партизанским движением. Случаи сотрудничества духовенства с партизанами были чрезвычайно редким исключением. Принимая все это во внимание, рейхскомиссар Кох нашел автономную Церковь более заслуживающей доверия, чем автокефальную.

Этим и объясняется тот факт, что с конца 1942 г. нацисты стали с большей благосклонностью относиться к автономной Украинской Церкви. И если даже в 1941 г., несмотря на тогдашнюю поддержку нацистами

автокефалистов, к автономной Церкви принадлежало 55% верующих, 100 то с 1943 года автокефальная Церковь стала еще больше проигрывать свои позиции.

Последовала широкая волна убийств духовенства автономной Церкви. Был убит ее глава митр. Алексей (Громадский), а также еп. Мануил (Тарновский). Только на Волыни за лето 1943-го было уничтожено партизанами 27 священников автономной Церкви. В некоторых случаях духовенство уничтожали вместе с членами их семей.¹⁰¹ Хотя на Волыни подобная практика способствовала увеличению числа приходов автокефальной Церкви, в целом же юрисдикционная раскладка от этого не изменилась. Донесения немецких властей, как и показания церковных деятелей, свидетельствуют о том, что несмотря на партизанский террор, подавляющее большинство населения Украины поддерживало автономную Церковь.¹⁰²

Гораздо безмятежнее протекала жизнь Православной Церкви в регионе, оккупированном фашистской Румынией. В него входила юго-западная часть Украины (т.н. Трансистрия) и Молдавия. Если учесть, что государственной религией в Румынии было Православие, то становится понятным искреннее желание румынских властей содействовать церковному возрождению на занятой ими территории. В одной только Трансистрии было открыто около 500 храмов, а численность духовенства достигла 600 человек. В Дубоссарах снова открылась духовная семинария, а в школах было введено религиозное обучение.¹⁰³ Профашистское румынское правительство предпринимало попытки румынизации местного населения

Для Украины же, несмотря на тяготы военного времени, немецкая оккупация тоже обернулась «возрождением религиозной жизни». Было открыто 5400 храмов и 36 монастырей. В Киевской епархии, где к приходу немцев осталось 2 храма, к концу оккупации их было уже 798.¹⁰⁴ Что касается данных по другим епархиям, то они следующие: в Винницкой области было открыто при немцах 822 храма, Одесской - 500, Днепропетровской - 418, Ровенской - 442, Черниговской - 410, Полтавской - 359, Житомирской - 346, Сталинской (Донецкой) - 222, Харьковской - 155, Николаевской и Кировоградской - 420 и не менее 500 в Запорожской, Херсонской и Ворошиловградской.¹⁰⁵ Само собой разумеется, что такое количество храмов, требовало и новых священнослужителей. Именно для этого и автономная и автокефальная Церкви организовывали пастырские курсы.

Большое внимание уделялось и обращению к вере тех, кто не был крещен. Одним из ярких примеров может здесь служить Крым. Как вспоминает одна из православных очевидцев тех событий: «Феодосия встречала немцев хлебом-солью, за что люто потом поплатилась. Временное освобождение города представляло сплошной кошмар: расстрелы, массовые изнасилования, отравление колодцев... А немецкие оккупанты все же проявляли человечность, когда действовали не по приказам, а по «движению человеческого сердца». Было все: страшные расстрелы невинных оставшихся в городе евреев, безнадёжное положение русских военнопленных, и вместе с тем немцы поддерживали какой-то порядок, открыли церкви».¹⁰⁶

Именно в Крыму «религиозное пробуждение» ощущалось особенно сильно. Согласно одному из донесений СД, только за декабрь 1942 г. в Крыму было крещено 200 тыс. человек.¹⁰⁷ Люди «снова тянулись в храмы, после двух десятилетий торжества богоборцев»

Подводя итог анализу религиозной ситуации на Украине, нельзя не отметить ее специфики. В Прибалтике Православная Церковь сохранила единство (не без немецкой поддержки) и не позволила местным националистам учинить церковный раскол. В Белоруссии инициаторами раскола выступили уже сами немцы, всячески поддерживавшие белорусских националистов и подталкивавшие их (абсолютно тщетно) к созданию «своей» белорусской Церкви. Лишь только на Украине Церковь не смогла избежать раскола, ибо его двигателем здесь стали группы украинских националистов, достаточно мощные и хорошо организованные..

И все-таки, несмотря на различия в действиях фашистской оккупационной администрации этих регионов, церковная политика немецких властей здесь, так или иначе, координировалась и определялась из Берлина.

Однако не везде было так. На обширной оккупированной территории Российской Федерации зачастую единственными представителями германских властей были военные. В отличие от Прибалтики, Белоруссии и Украины, где власть всецело принадлежала «сверхчеловекам» из СС и партаппаратчикам, в российских областях, находившихся под управлением Вермахта, как правило, царила совсем другая атмосфера.

«Духовное возрождение» на Юге России

Значительная часть населения Дона, Кубани и Ставрополя не склонна была рассматривать немецкий режим как оккупационный.

1-ю танковую армию генерал-лейтенанта фон Клейста, прорвавшуюся осенью 1941 г. на Дон, население

встречало цветами. То, что где-нибудь в Белоруссии еще могло иногда восприниматься как ужимки перед фашистскими оккупантами, здесь представляло не что иное, как «демонстрацию искренних чувств благодарности».

Именно в этом контексте и следует рассматривать, к примеру, речь еп. Таганрогского Иосифа (Чернова) от 17.10.1942 г., посвященную годовщине освобождения города от большевиков, в ней, в частности, было сказано следующее: «...палачи русского народа навсегда бежали из Таганрога, в город вступили рыцари германской армии... Под их защитой мы, христиане, подняли поверженный крест, стали восстанавливать разрушенные храмы. Возродилось наше прежнее чувство веры, ободрились пастыри церкви и снова понесли людям живую проповедь о Христе. Все это стало возможным только под защитой германской армии».111 Тогда же, 17 октября, епископ Иосиф отслужил литургию в Никольском соборе Таганрога, произнес краткое слово собравшимся, посвященное событию, а затем возложил венок на могилы германских воинов.

Современному российскому исследователю, знакомому с материалами Нюрнбергского процесса, очень трудно понять германофильские заявления и поведение православного духовенства и мирян той эпохи. Еще сложнее избежать поверхностных суждений и обобщений при характеристике умонастроений российских граждан, оказавшихся под германской оккупацией.

Подобные настроения не были секретом и для 60-летнего генерал-лейтенанта фон Клейста, которому особенности прифронтовой жизни (без гауляйтеров и берлинских чиновников) позволили издать приказ по своей 1-й танковой армии, с напоминанием солдатам о том, что они находятся не на оккупированной территории, а на земле союзника.113

Приказ этот вылился не только в «гуманное обращение» солдат Вермахта с гражданским населением, но и в активное содействие восстановлению и открытию православных храмов.

В Ростове-на-Дону, где до войны действовала лишь одна церковь, немцы открыли 7 храмов. Ежедневно в храмах служилось по две литургии. В Новочеркасске были открыты все храмы, какие только можно открыть.114 В одной только Ростовской области было открыто 243 храма. Епископу Таганрогскому Иосифу удалось даже вернуть себе прежний архиерейский дом.115 Со стороны немцев никакого вмешательства в церковные дела не наблюдалось. Мало того, осенью 1942 г. всерьез разрабатывались планы проведения Поместного Собора Русской Православной Церкви в Ростове-на-Дону или Ставрополе, с целью избрания Патриархом митр. Берлинского Серафима (Ладе).116

Отличительной особенностью церковного «возрождения» на Юге России было и то, что православному духовенству приходилось заниматься не только богослужениями, требами и катехизаторскими беседами, но и духовным окормлением солдат многочисленных русских воинских подразделений находившихся на службе у фашистов. От Дона до Терека «благодарность немецкой армии выражалась населением не только в словах, но и на деле». Число одних только фашистских казачьих частей достигло 20 полков.117 Стоит также отметить, что казачьи полки были в Вермахте «на особо хорошем счету». Бросался также в глаза и их религиозный облик: обязательное для всех утреннее и вечернее правило, молебны перед боем.118

Само собой разумеется, что подобное «возрождение лучших традиций русского воинства», ложилось на плечи местного духовенства. К «чести» этих православных священнослужителей следует сказать, что они не только самоотверженно исполняли свой пастырский долг и несли вместе с изменниками родины все «тяготы военной жизни», но и разделили их трагическую судьбу в конце войны...

В своих воспоминаниях «Падение Ростова» Н. Туров описал немецкого генерала, присутствовавшего в храме на литургии и пораженного глубиной веры молящегося народа. Генерал был расстроен, и глаза его были влажны. 119

Положение Церкви в оккупированных областях Центральной России

«...само Небо вступилось за наши погранные права...»

еп. Смоленский и Брянский Стефан (Севбо)

«Религиозный подъем» порожденный немецкой оккупацией, в не меньшей степени охватил и население средней полосы России. Едва только Советы оставляли какой-либо населенный пункт, как сразу же «духовная жизнь в нем начинала возвращаться в естественное русло.»..

Сразу после занятия Смоленска немецкой армией в чудом уцелевшем кафедральном соборе начались

богослужения. Из 160 тыс. населения города сумели избежать эвакуации лишь 25 тыс. человек. И хотя собор хранил еще на себе надпись «антирелигиозный музей», церковные службы в нем сразу же стали собирать множество горожан. В городе, где до прихода немцев действовала лишь одна церковь, через год их было уже пять. За время немецко-фашистской оккупации поголовно было крещено все детское население города. Затем начались выезды в деревни. За одно крещение крестили от 150 до 200 человек. Недостаток священнослужителей побудил еп. Смоленского и Брянского Стефана (Севбо) организовать в Смоленске пастырские курсы, выпустившие за первые 7 месяцев своего существования 40 священников.¹²⁰

С приходом немцев связано и еще одно «знаменательное событие» - обретение иконы Божией Матери Смоленской. Знаменитая святыня была найдена фашистским солдатом на крыше собора как раз под 10 августа (день, когда эта икона чествуется).¹²¹ Эта чудотворная икона считалась потерянной. Предполагалось, что ее уничтожили большевики в 1918 году. И вот впервые за 23 года перед этой святыней была отслужена служба. Датский журналист Янсен так описывает это богослужение: «Священник не помнил такого множества народа, которое собрано на эту службу. Из убежищ около собора, из близких и дальних окраин согнаны старики, женщины и дети. Тихонько поднимались они, по высоким лестницам собора, к древнему Божию храму, ныне снова им возвращенному. Во время богослужения были сначала тихи, как будто не понимали того, что пред ними совершается, но потом слезы стали стекать по их испуганным лицам, и, наконец, плакали все эти несчастные, изголодавшиеся люди. Священник с длинной белой бородой и разбитыми руками, Сергей Иванович Лукский, поднимает крест к образу Божией Матери, который немецкий солдат нашел под крышей собора, и, прося благословения у Пресвятой Богородицы, он благословлял всех верующих перед тем, как они разошлись до своих бедных жилищ».¹²²

Хотя формально Смоленская область находилась управлением рейхскомиссариата «Остланд», на деле же оккупационную администрацию представляли военные. Церкви это обстоятельство позволяло не только избежать излишней опеки со стороны нацистских властей, но и открывало такие возможности, которых на территории рейхскомиссариата у нее бы не было. В частности, с разрешения Вермахта, были организованы радиопередачи на религиозные темы. Задачу эту взяла на себя группа смоленской интеллигенции, объединившейся вокруг кафедрального собора. Этот же кружок занимался самым разнообразным «просветительством». Так, например, ими был издан молитвослов тиражом в 15 тыс. экземпляров, организованы две передвижные библиотеки духовной литературы, а также духовные концерты на радио и площадках. Успехи этого кружка были столь впечатляющими, что 25.3.1943 г. он был преобразован в Смоленский епархиальный комитет «по нравственному просвещению» под председательством преосвященного Стефана, епископа Смоленского и Брянского.¹²³

Подобная разносторонняя деятельность Церкви не могла не отразиться и на ее восприятии населением области. Все чаще и чаще храмы становились не только центром «духовной жизни», но и центром служения оккупационному режиму. «Реалии новой жизни заставляли задумываться о будущем государственном устройстве, о сокрушении большевизма и возрождении новой России». Именно с этой целью вышеупомянутый кружок смоленской интеллигенции обратился с посланием к Гитлеру, изъявляя готовность призвать русское население на борьбу против Сталина и выставить Русскую Освободительную Армию в 1 млн. солдат. Условием с русской стороны было признание границ 1939 года, равноправное положение русского народа и образование независимого русского национального правительства на демократической основе.¹²⁴ Текст этого смоленского воззвания был передан в Берлин через фельдмаршала фон Бока.

Необходимость создания такого правительства и русской военной силы понимали не только в русских церковных кругах, но и в среде немецких военных. В соответствующем меморандуме Гитлеру, командующий сухопутными силами генерал-фельдмаршал фон Браухич написал: «Считаю решающим для исхода войны».¹²⁶ Эту позицию поддержал и командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок, выразивший Гитлеру свое негодование по поводу карательных действий СС на российской территории. В декабре 1941 г. и фон Бок, и фон Браухич были смещены Гитлером со своих постов «по состоянию здоровья». Политические замыслы фюрера серьезно отличались от этических соображений германских военных...

И тем не менее, жизнь продолжалась. Происходило не только восстановление разрушенных храмов, но и отстройка церковной организации. 12-13 мая 1943 г. в Смоленске состоялся съезд духовенства Смоленско-Брянской епархии. Судя по повестке дня, съезд был очень важным событием. Участники обсудили в докладах и прениях целый ряд вопросов:

1. Об организации пастырских курсов.
2. О введении преподавания Закона Божия в школе.

3. О воспитании юношества.

4. Об устройстве благочиннических округов.

Съезд избрал членов епархиального управления, утвердил смету на содержание управления.¹²⁷

Весьма примечательно, что, когда фашисты занялись переписью населения оккупированного Смоленска, выяснилось, что из 25429 жителей города 24100 назвали себя православными, 1128 - верующими других конфессий и лишь 201 (менее 1%) - атеистами.¹²⁸ Столь неожиданные цифры послужили для немцев основанием, чтобы передать православным еще один храм, функционировавший до этого в качестве костела. Правда, нельзя принимать эти данные за полностью соответствующие реальной ситуации. Ведь среди ушедших на восток с советскими войсками жителей города был довольно высок процент атеистов. Кроме того, часть населения могла думать, что немцы будут ассоциировать атеистов с большевиками, и поэтому предпочитала скрывать свои подлинные взгляды. Всего в Смоленской области было открыто при фашистах 60 храмов, в Брянской и Белгородской не менее 300, Курской - 332, Орловской - 108, Воронежской - 116.¹²⁹

В Курске в марте 1942 г. был воссоздан Свято-Троицкий женский монастырь со 155 насельницами. За недолгую оккупацию Орла фашисты успели открыть в нем четыре храма. Как писал английский журналист А. Верт: «Церкви в Орле процветали, они превратились, в активные центры русского национального самосознания...».¹³⁰

Следует отметить, что просоветские настроения в церковной среде были редчайшим исключением, как, например, факт сотрудничества с советскими спецслужбами священника деревни Волки Смоленской области о. Аркадия. При нем же служил в качестве дьякона «Филипп Иванович» (коммунист-подпольщик).¹³¹ Впрочем, большевистские агенты в рясах встречались все-таки редко - все сотрудничали с оккупантами

Особенно это чувствовалось в Брянске, где при немцах было открыто 12 храмов. Интенсивное восстановление церквей охватило и всю Брянскую область. «Находилась» спрятанная при большевиках богослужебная утварь, иконы, облачение. «Появлялись» и люди, способные петь и читать в церкви.

В Локотском районе Брянской области возникла даже целая «республика». Генерал-полковник Шмидт - командующий 2-й танковой армией признал ее автономным районом под «русским самоуправлением». В районе царил порядок, возрождалось материальное благополучие. Имелась у Локотской «республики» даже собственная профашистская армия РОНА - Русская Освободительная Народная Армия (20 тыс. человек) . Со временем «республика» увеличивалась, и в нее вошли 8 районов с 581 тыс. жителей.¹³³ Как это ни странно, но Локотская «республика» так и не оказалась под пристальным взглядом нацистских чиновников из Берлина.

Церковная жизнь в оккупированных немцами северо-западных областях России

«Не забывайте, что вы прибыли в страну, где на протяжении более 20 лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась,

где народ был напуган, принижен, угнетен и обезличен...»

(Из напутствия митр. Сергея (Воскресенского) членам псковской Миссии).

«Возрождение церковной жизни» на северо-западе России в силу различных причин оказалось тесно связано со знаменитой Псковской Миссией.

Деятельность Миссии стала возможной, во-первых, благодаря личности митр. Сергея (Воскресенского), пользовавшегося доверием у оккупационной нацистской

администрации, а во-вторых, благодаря политическим стараниям фашистских чиновников из министерства Розенберга, полагавших, что оккупационной администрации не следует препятствовать распространению влияния прибалтийского экзархата на российские районы, занятые группой армий «Север».

Тот факт, что митр. Сергей предпринял энергичные шаги для духовного кормления православной паствы соседних с Прибалтикой областей, представляется «с канонической точки зрения совершенно законным», ибо митр. Ленинградский Алексей (Симанский) находился в блокированном Ленинграде и в силу этого лишь формально являлся управляющим епархией. Как писал сам митр. Сергей: «Мы почли долгом своим на время принять эту территорию под свое архиерейское покровительство, чтобы немедленно приступить к ней к восстановлению церковной жизни, и для этой цели направили туда миссионеров из Экзархата...».¹³⁵

На языке нацистских чиновников эта Миссия называлась «Die Orthodoxe Mission in den befreiten Gebieten Russlands» (Православная Миссия в освобожденных землях России). Сразу же после получения разрешения от немецких властей Миссия выехала из Риги в Псков. Первые миссионеры (15 человек) прибыли туда 18.8.1941 г. Территория, на которой Миссии предстояло развернуть свою деятельность, включала в себя часть Ленинградской, часть Калининской, Великолуцкую, Новгородскую и Псковскую области и имела население около 2 млн. человек. Несмотря на такую обширную площадь, состояние церковной жизни в эти областях было одинаковым и выражалось в ее полном отсутствии.. На всей территории, охваченной деятельностью Миссии (территории, равной по размеру Ирландии), был лишь один действующий храм с двумя священнослужителями.

Оккупационные нацистские власти признавали за митр. Сергием право руководить деятельностью Миссии, а саму Миссию считали частью РПЦ, а не какой-либо автономной структурой.

«Именно любовь и сострадание» заставило миссионеров покинуть тихую, благополучную Ригу и отправиться в прифронтовые области России, несмотря на реальную угрозу стать жертвой вездесущих «народных мстителей». Об этом о. Алексей вспоминает так: «Лучшее время моего пастырства - время, проведенное в Псковской Миссии, хотя внешне оно протекало в самой суровой обстановке. Кругом партизаны. Встреча с ними - конец. Им не втолкуешь, что мы проповедуем Христа Распятого. Мы на этой стороне - значит, враги...».137

«К августу 1942 г. (т.е. через год) в Миссии насчитывалось уже 77 пастырей, которые обслуживали 200 приходов.138 Тем не менее и миссионерам приходилось, как и раньше, служить на ниве Христовой с полной отдачей». Одних только крещений приходилось совершать за одну службу от 25 до 100. Священник Иоанн Легкий в августе-ноябре крестил 3500 детей.

Поэтому вполне можно доверять донесению СД от 21.9.1942 г. сообщаемому: «Успех миссионерской работы обеспечен»140

В храмы ходили не только женщины и дети. Существенную часть прихожан составляли мужчины, бывшие военнопленные, а теперь власовцы. Да и немцы явно считали, что Миссия должна заботиться о своих освобожденных соотечественниках. Как вспоминает о. Георгий Тайлов: «Оккупанты относились к нам вежливо, но требовательно»

Однако если для освобожденного из плена власовца, вопрос о личной духовной жизни зависел от его желания прийти в храм, то у тех, кто до сих пор находился в плену, такой возможности не было. Понимая это, миссионеры обратились к военным нацистским властям, чтобы те разрешили священнослужителям приходить в лагеря и совершать богослужения. Просьба была удовлетворена. Священники смогли не только совершать богослужения в лагерях, но и приходить в лазареты для военнопленных, чтобы причащать и исповедовать раненых и вербовать новых изменников родины.

Священнику Алексею Ионову удалось даже организовать пасхальную службу для военнопленных в одном из городских храмов, оцепленном по этому поводу немецкими солдатами. На службе были только военнопленные, прихожанам же вход был воспрещен. Свыше 300 пленных красноармейцев, якобы изъявивших желание помолиться, наполнили храм. Об этом богослужении, о. Алексей Ионов вспоминает так: «С каким волнением я его совершал... Я произнес слово, в котором убеждал их не падать духом, я приветствовал всех обычным «Христос Воскресе!» И все, как один, отвечали: «Воистину Воскресе!» Это были бойцы Красной Армии, попавшие в плен в 1941-1942 годах».143

Для «религиозного возрождения»на занятых немцами российских территориях было характерно проявление каких-либо знаменательных духовных событий. Наиболее значимой для Церкви на Псковщине была передача духовенству Тихвинской иконы Божией Матери...

Согласно воспоминаниям о. Георгия Тайлова: «Когда немцы ворвались в Тихвин, то там в монастыре, как музейный экспонат, хранилась чудотворная икона Тихвинской Божией Матери. Как мне рассказывали, во время боя храм загорелся, но один фашистский солдат, заметивший большую старинную икону, схватил ее и вынес из огня. Спасая икону, он был ранен и отправлен в Даугавпилс. Немцы отправили икону во Псков и передали ее о. Н. Колибернскому, который в то время возглавлял Миссию. Чудотворная икона хранилась у него в отдельной комнате и 1 января 1942 г. была перенесена в кафедральный собор».145 Впоследствии, когда большевики уже вовсю напирали на Псков, немцы успели эвакуировать икону в Ригу, где и передали ее на хранение архиепископу Рижскому Иоанну (Гарклавсу).146

Помимо слова устного, Миссия распространяла и слово печатное. С августа 1942 г. в Пскове издавался

журнал «Православный христианин», выходивший каждый месяц тиражом 2-3 тыс. экземпляров. Нацистские власти дали и доступ на радио, чтобы церковное слово звучало и в эфире. Радиопроповедями занимался, как правило, о. Георгий Бенигсен. Вспоминая о том времени, о. Георгий писал: «Мы шли в народ, несли ему слово Христовой любви и правды, слово утешения и надежды..... Детский сад, школа, вуз, пионерская и комсомольская организации - вот те страшные круги ада, которые проходила неопытная, мягкая душа в советском «раю». Слава Богу, славянская душа постояла за себя. Она осталась христианской».147

Удалось добиться у военных нацистских властей и приказа об обязательном изучении Закона Божия в средних школах (на том основании, что он является обязательным предметом во всех школах Рейха). Среди преподавателей коммунистической закалки этот приказ вызвал полную растерянность. Да и сами миссионеры были не совсем готовы обеспечить все школы грамотными преподавателями.

Одно из воззваний Миссии:

«Русские патриоты обязаны всемерно содействовать уничтожению и плодов, и корней коммунизма. Мы верим, что найдется немало русских душ, готовых к участию в уничтожении коммунизма и его защитников».148
Соображениями уважительного отношения к властям руководствовался и митр. Сергей (Воскресенский) в своем приказе от 8.7.1943 г., где указывалось: «В день Св. Троицы германское командование объявило торжество передачи земли в полную собственность крестьянства, а посему предлагается управлению Миссии: 1) Дать циркулярное распоряжение всему подведомственному духовенству... специально в проповедях отметить важность сего мероприятия. 2) В Духов день в Соборе, после Литургии, совершить торжественный молебен с участием всего духовенства г. Пскова».149

Десять сотрудников Миссии были членами. белоэмигрантской националистической организации НТС (Национально-Трудовой Союз),

. В ноябре 1942 г. в г. прошел первый пастырский съезд. Духовенство 11 регионов Псковской и Новгородской области собралось, чтобы обсудить наболевшие вопросы: «О задачах духовенства в деле возрождения церковно-приходской жизни и принципах воспитания народных масс», «О церковно-приходской практике» и ряд других тем.

Воззвание, принятое на съезде «Только германская армия, освободив русский народ, дала возможность совершенно свободно строить свою духовную и церковно-приходскую жизнь. Только немецкие освободители с первых дней войны дали русскому народу полную свободу, оказав нам материальную помощь в восстановлении ограбленных и разрушенных храмов Божьих... Духовенство и народ православный питают глубокую благодарность к немецкому народу и его армии, освободивших нас от порабощений духовенства».153
Весьма примечательно, что пастыри выразили искреннюю благодарность Вермахту,.

Псковская Миссия стала «единственным примером блестяще организованного миссионерского служения на оккупированных немцами территориях СССР. Переоценить «христианский подвиг» миссионеров так же невозможно, как и выразить его в конкретном числе «спасенных» человеческих душ. Известно лишь, что к концу немецкой оккупации на северо-западе России было открыто около 470 храмов. Правда, около 40 из них было открыто в Карелии, на территории занятой финской армией, территории, на которую псковская Миссия свою деятельность не распространяла. Стоит отметить, что поскольку открывшиеся храмы на советской территории окормляло финское православное духовенство, то богослужения в Карелии шли преимущественно на финском языке и совершались по новому стилю. Это обстоятельство привело даже к расколу среди братии Валаамского монастыря (на «новостильников» и «старостильников»).155
К 1946 г. 85% открытых финнами храмов были снова закрыты.156

Когда к Пскову рвались советские танки, значительная часть сотрудников Миссии была немцами «эвакуирована». Все миссионеры, не ушедшие с отступающей германской армией, за предательство родины, расстреляны НКВД или получили длительные сроки лагерей...

Церковь под бомбами: русское рассеяние и конец войны

«В храмах Германии мы молились за эту страну и ее народ ».

архиеп. Сан-Францисский Иоанн (Шаховской)

Для митр. Берлинского и Германского Серафима (Ладе) больших трудов стоило добиться у нацистских властей разрешения, чтобы православному духовенству позволили посещать лагеря советских военнопленных. Разрешение, в конечном итоге, было дано лишь для 15 священников, да и то с правом

посещения только лагерей, находящихся на территории Рейха.158

Одним из активных участников помощи «остарбайтерам» и военнопленным был о. Иоанн Шаховской, настоятель храма Св. Владимира в Берлине (в последствии - архиеп. Сан-Францисский).».161

Находившаяся в словацком Ладомирове обитель преп. Иова Почаевского печатала Евангелия (100 тыс. экз.), молитвословы (60 тыс.) и другие издания для в Россию (в том числе и через солдат-словаков).162 Из Берлина отправлялись на приходы в Россию вино, свечи. Изготавливались нательные крестики. хотя металл был военным сырьем. В 1941-м в эмигрантских кругах еще не знали, что Россия сама придет к ним...

В мировой истории невозможно подобрать аналог подобной реакции на перспективу освобождения от иноземцев. Когда англичане освобождали Норвегию, норвежцы с немцами не уходили. Не уходили с немцами и французы, когда Францию освобождали американцы. Не бежали с оккупантами и голландцы, датчане, бельгийцы... Когда Красная Армия перешла в наступление, от нее устремились в бегство миллионы предателей родины. Сколько их в этом потоке было - остается и по сей день неизвестным. Известно лишь, что 7 млн. «беженцев» - гитлеровских прихвостней, и одураченных гебельсовской пропагандой сумели добраться до территории Рейха.164

Об этом потоке «беженцев» один из очевидцев тех событий вспоминал: «Караваны идут в темную даль, в неизвестность, идут не куда-нибудь, а «оттуда», уходят от большевиков. Сколько их? К чему они стремятся? Никто, в том числе и они сами, не смог бы ответить на эти вопросы. На глаз считалось, что их, вышедших за пределы родины, было от десяти до двенадцати миллионов человек».165

Вся эта людская масса, оказавшаяся на чужбине, нуждалась в «духовном окормлении». Именно поэтому, как пишет Иоанн (Шаховской), «...русские эмигрантские разделения и разномыслия отошли на второй план, когда Россия хлынула на наши берлинские улицы... Россия - к которой мы двадцать лет так стремились, встречи с которой так ждали - сама пришла к нам... Сколько юношей и девушек, взрослых, младенцев было нами в те дни в Германии исповедано, причащено, крещено, приобщено к Церкви. Какую глубокую веру и благодатную открытость вере мы нашли среди этой молодежи, родившейся после «Октября»!...».166

Несмотря на наплыв духовенства из России, от священников требовалась максимальная физическая отдача, чтобы причастить, исповедовать всех желающих. По воспоминанию владыки Иоанна, «...иногда до двух-трех десятков священников по разным углам храма начинали исповедовать говеющих... Причащались из двух-трех-четырёх-пяти чаш, по полтора, по два часа. Очень часто в это время как раз происходили воздушные тревоги, и люди подходили к св. Причащению под ужасающий смертоносный грохот... После литургии начинались требы: крещения, по 30, по 40, иногда даже по 70, по 80, свадьбы, по 20, по 25. Потом бесчисленные «заочные отпевания»... После каждого воздушного налета авиации союзников ... священники вычитывали длинные списки новопреставленных рабов Божиих...».167

Тот же о. Иоанн, добившись от немецких властей разрешения на посещение офицерского лагеря военнопленных под Бад-Киссингеном, был приятно удивлен, когда хор советских офицеров смог без нот спеть литургию, а около половины пленных изъявили желание исповедоваться и причаститься.168

Немало сделал для русских бежавших с фашистами и «остовцев» настоятель берлинского кафедрального собора о. Адриан Рымаренко,. Бесконечные авианалеты делали жизнь в Берлине для многих просто невыносимой. Многие лишились крова над головой, да и лагеря для «остовцев» были зачастую разбомблены. В православных храмах было заведено, что если авианалет, начинался до возгласа - все спускались в бомбоубежище, если же служба уже началась то желающим (из числа прихожан) благословлялось уйти в бомбоубежище. Как пишет исследователь: «Чудо состояло в том, что русские православные церкви Берлина уцелели и остались живы те богомольцы, которые не захотели покинуть храм во время налета и уйти в бомбоубежище».169

Как вспоминает Иоанн (Шаховской): «В Германии мы видели не только ее грехи, но и то человеческое, что было в ее христианах... Вспоминаю искренне-религиозного, раскаявшегося в протестантизме, уже в конце 30-х годов эсэсовца... вскоре перешедшего в Православие. Его особенно оттолкнуло от нацизма, когда он узнал, что фюрер слепо верит гороскопам и имеет при себе придворного составителя гороскопов...».170

Античеловечность гитлеровского режима побуждала некоторых чад Русской Православной Церкви, имевших ещё остатки совести, вступить на путь откровенной борьбы с ним. Наиболее известным примером здесь может служить член мюнхенского прихода РПЦ унтер-офицер Вермахта Александр Шморель. Не в силах примирить свою христианскую совесть с человеконенавистническим нацистским режимом, он вступил в подпольную

группу «Белая Роза», где занимался распространением листовок, противопоставляющих христианские ценности нацистскому идоло-языческому варварству. А. Шморель был арестован гестапо 24.2.1943 г

Кроме «попечения об «остовцах», военнопленных и беженцах, Церковь не могла оставить без окормления и зарождавшееся Русское Освободительное Движение. Генерал А. Власов сразу же нашел понимание у главы РПЦ митр. Анастасия (Грибановского)..¹⁷³ Самым главным препятствием для создания РОА были, как уже отмечалось, страхи Гитлера, что она выйдет из-под контроля Берлина. Гитлер согласился на создание РОА уже тогда, когда война полыхала в самой Европе и не было места в России, на которое РОА могла бы опереться. Знаменитый Комитет Освобождения Народов России (КОНР) был собран в Праге только 14.11.1944 г.¹⁷⁴ Создание КОНР было поддержано зарубежным духовенством. В речи митр. Анастасия это было выражено особенно ярко: «Это движение подлинно заслуживает названия Освободительного, ибо оно стремится не только освободить человечество от самого страшного ига, но человеческую душу от самого лютого гнета... Дорогие братья и сестры, объединимся же все вокруг этого нашего Национального Освободительного Движения, будем каждый подвизаться на своем пути и содействовать общему великому делу освобождения нашей Родины, пока не падет это страшное зло большевизма, пока не восстанет со своего одра наша измученная Россия и пока в ней не засияет новая благословенная заря жизни, исполненной свободы...». ¹⁷⁵ Надежды эти рассыпались под грохотом бомб и огнем пожарниц мая 1945-го...

Для миллионов русских предателей Вторая мировая война закончилась репатриацией в СССР, трибуналами, расстрелами, переводом из нацистских лагерей в советские и т.п. Многие представители православного духовенства разделили вместе с паствой эту участь. Попытки эмигрантской общественности уговорить священнослужителей бежать на Запад далеко не всегда заканчивались успешно.¹⁷⁷ Те же, кто в силу различных причин сумел избежать репатриации в СССР, составили знаменитую «вторую волну» русской эмиграции.

Церковный взгляд на Вторую Мировую Войну 1939-1945г

Если бы Патриарх Сергей (Страгородский) дожил до окончания Второй мировой войны - он смог бы увидеть, что эта война стала для Русской Церкви действительно «очистительной бурей». И дело здесь не в восстановленном патриаршестве (оно было восстановлено еще при нем), и не в отказе большевиков от старым методам борьбы с Церковью (на смену старых методов пришли новые), и даже не в без малого 10 тыс. храмов, которые были открыты под немецкой оккупацией

Вторая мировая война стала причиной «подлинного религиозного возрождения» на оккупированных немцами территориях. И дело здесь не в немцах, а в том, что благодаря этой оккупации, миллионы людей смогли снова присоединиться к Церкви Христовой. Несмотря на почти 25-летнее господство атеизма, «Россия преобразилась». Изучение этого процесса побуждает к серьезным размышлениям относительно места этой войны в русской истории, да и вообще в истории человечества. Духовный характер этой войны заключался в том, чтобы путем страданий, лишений, скорбей и в конечном итоге - воцерковления вернуть русский народ к вере и образу жизни, формировавшемуся под воздействием этой веры. И этот духовный характер Второй мировой войны сказался не только на России. Огромное количество православных воцерковленных людей - восточных рабочих, беженцев, военнопленных и участников Русского Освободительного Движения - образовало «вторую волну» русской эмиграции, расселившуюся в странах Европы, Южной Америки, США, Канаде, Австралии. Произошло не только «омоложение» русского Зарубежья, но и изменился его духовный облик: возникли новые православные приходы и монастыри, появились новые церковные издательства. События Второй мировой войны выявили новых одаренных пастырей, мирян-подвижников, которые преодолели страдания и лишения военного времени и принесли Свет Христова Учения в страны русского рассеяния.

Для Русской Церкви в самой России эта война стала своего рода «духовной передышкой», «живительным ветром», давшим Церкви возможность выстоять в последующие послевоенные десятилетия. Исследователям еще предстоит заняться этим периодом русского церковного возрождения, ибо, вопреки воле и расчетам «вождей», он состоялся как исторический факт. Нам еще предстоит узнать имена тех бесчисленных исповедников, которые не побоялись перспективы «расплаты» и отдали все свои силы возрождению веры на русской земле; как и имена тех, кто, по приказам своего фюрера, этому возрождению способствовал.

Вполне возможно, что еще не скоро выйдет полноценный научный труд, посвященный церковному "возрождению" на оккупированных Германией территориях. И препятствия, которые могут здесь возникнуть, отнюдь не религиозного плана. Церковное возрождение под немецкой оккупацией тесно связано с Русским Освободительным Движением, с Движением, генерала Власова, с которым очень трудно примириться тем людям, которые (пусть и со множеством оговорок) все еще воспринимают советское как «свое». Политическая

ангажированность никогда не способствовала объективным историческим оценкам. И все-таки хотелось бы надеяться, что когда-нибудь хотя бы верующие люди сумеют увидеть во Второй мировой войне не только политический, но и духовный смысл...

Библиография

1. Александров К. Тайное оружие Вермахта // Посев. – 2001. - № 6. – С. 4 – 7.
2. Александр Шморель, распятая совесть немецкого народа // Православная Русь. – 2002. - № 2. – С. 12 - 13.
3. Андреев И. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней.-Джорданвилл: тип. Иова Почаевского, 1951. – 182 с.
4. Бенигсен Г. прот. Христос Победитель // Журнал Московской Патриархии. – 2001. - № 9. – С. 62 – 66.
5. Власов А. Последний миф // Посев. – 2001. - № 5. – С. 5 – 8.
6. Всемирная история: Вторая мировая война. Итоги Второй мировой войны. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. – 512 с.
7. Голос Америки, 15.12.2001, религиозная страница.
8. Григорий (Граббе), еп. Русская Церковь перед лицом господствующего зла.- Джорданвилл: Свято - Троицкий монастырь, 1991. – 175 с.
9. Дробязко С. Казацьи части в составе Вермахта // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941 – 1945 гг.): Вып. 1 / Под общ. ред. А.В. Огорокова. - М.: Грааль, 1997. – С.182 – 232.
10. Дудников В. Воспоминания старого казака о пережитом и размышления о настоящем // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941 - 1945 гг.): Вып. 1 / Под общ. ред. А.В. Огорокова.- М.: Грааль, 1997. – С. 328 – 354.
11. Елецкая Т. Воспоминания дочери // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941 - 1945 гг.): Вып. 1 / Под общ. ред. А.В. Огорокова.- М.: Грааль, 1997. – С.290 – 308.
12. Иоанн (Шаховской), архиеп. Избранное / Сост., авт. вступ. статьи Ю. Линник. – Петрозаводск: Святой остров, 1992. – 575 с.
13. Ильин И. Родина и мы. Статьи. Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – Смоленск: Посох, 1995. – 512 с.
14. Казанцев А. Третья сила: Россия между нацизмом и коммунизмом. – М.: Посев, 1994. – 344 с.
15. Кирсанов Н., Дробязко С. Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: Национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. – 2001. - № 6. – С. 60 – 75.
16. Коммунистический режим и народное сопротивление в России 1917 - 1991. М.: Посев, 1997. – 80 с.
17. Корнилов А. Преображение России. Монография. Н.Новгород: ИФ ННГУ, 2000. – 192 с.
18. Михайлов К. Несостоявшаяся реабилитация // Посев. – 2001. - № 6. – С. 11 – 14.
19. Назаров М. Тайна России. Историософия XX века. – М.: Русская идея, 1999. – 736 с.
20. Назаров М. Эмиграция и война // Грани. – 1991. - № 161. – С. 211 – 243.
21. Новые мученики Российские / Сост. протопресвитер М. Польский.-Репринт. изд. – М.: Светлячок, 1994. – Ч.1. – 304 с.
22. Огороков А. Казаки и Русское Освободительное Движение // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941 - 1945 гг.): Вып. 1 / Под общ. ред. А.В. Огорокова. – М.: Грааль, 1997. – С. 232 – 259.
23. Огороков А. Комитет Освобождения Народов России // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941 - 1945 гг.): Вып. 1 / Под общ. ред. А.В. Огорокова.- М.: Грааль, 1997. – С. 106 – 181.

24. Полчанинов Р. Воспоминания о. Георгия Тайлова о его работе в Псковской православной миссии 1941-1944 гг. // Православная жизнь. – 2001. - № 1. – С. 5 – 19.
25. Полчанинов Р. НТС во Пскове 1941-1943 // Посев. – 2001. - № 6. – С. 41 – 45.
26. Полчанинов Р. Псковское содружество молодежи при православной миссии // Православная жизнь. – 2001. - № 1. – С. 20 – 30.
27. Попов В. прот. Памяти отца Константина Шаховского // Журнал Московской Патриархии. – 2001. - № 9. – С. 66 – 70.
28. Пospelовский Д. История Русской Православной Церкви в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
29. Пушкарёв С. Воспоминания историка 1905 – 1945. М.: Посев, 1999. – 113 с.
30. Раевская-Хьюз О. О Псковской Миссии // Журнал Московской Патриархии. – 2001. - № 9. – С. 58 – 62.
31. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917 – 1945. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996. – 632 с.
32. Русская Православная Церковь в советское время (1917 – 1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М.: Пропилеи, 1995. – 400 с.
33. Русланов И. Молодежь в русской истории.-Франкфурт-на-Майне: Посев,1972. – 142 с.
34. Самарин В. Фронт в тылу // Грани. – 1953. - № 18. – С. 118 – 129.
35. Синкевич В. Воспоминания о сталинской России и Второй мировой войне // Грани. – 1990. - № 158. – С.292 – 297.
36. Столыпин А. На службе России.-Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. – 303 с.
37. Тучина Н. Из новейшей истории Валаамского монастыря // Православная жизнь. – 1998. - № 5. – С.1 – 12.
38. Цурганов Ю. Народ и режим в 1941-м // Посев. – 1999. - № 10. – С.35 – 40.
39. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви (1917 – 1990) – М.: Издательский дом «Хроника», 1994. – 255 с.
40. Цыпин В., прот. История Русской Церкви. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1997. - Кн. 9. – 831 с.
41. Цыпин В., прот. Православная Церковь на Украине в годы немецкой оккупации (1941 – 1944) // Ежегодная Богословская Конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 1992 – 1996 гг. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1996. – С.381 – 397.
42. Шкаровский М. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. – 400 с.
43. Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. – М.: Посев, 1993. – 447 с.
44. Энциклопедия Третьего Рейха / Сост. С. Воропаев. – М.: Локид; Миф, 2000. – 592 с.

Список сокращений и аббревиатур

Абвер - Abwehr - военная разведка и контрразведка.

Вермахт - Wehrmacht - вооруженные силы Германии в 1935-45 гг.

Гестапо - Gestapo (Geheime Staatspolizei) - тайная государственная полиция.

ГУЛАГ - Главное управление лагерей.

КОНР - Комитет Освобождения Народов России.

НКВД - Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР.

НСДАП - NSDAP - (National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei) -Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

НТС - Национально-Трудовой Союз.

ОКВ - OKW (Oberkommando der Wehrmacht) - Верховное командование вооруженных сил Германии.

ОКХ - OKH (Oberkommando des Heeres) - Верховное командование сухопутных сил.

ОУН - Организация Украинских Националистов.

РККА - Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

РОА - Русская Освободительная Армия.

РПЦ - Русская Православная Церковь.

РПЦЗ - Русская Православная Церковь Заграницей.

РСХА - RSHA (Reichssicherheitshauptamt) - Главное управление имперской безопасности.

СД - SD (Sicherheitsdienst) - служба безопасности при СС.

СС - SS (Schutz-Staffeln) - охранные отряды нацистской партии.

Автор: Сидоренко В. © Атеистический сайт ИСТОРИЯ, РОССИЯ 👁 18267 18.05.2007, 16:52

URL: <https://babr24.com/?ADE=37849> Bytes: 87779 / 87695 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Сидоренко В..**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)